

БИБЛИОТЕКА КАК ЗНАК КОСМОГОНИИ КУЛЬТУРЫ В ПОВЕСТИ В. У. ЛАСТОВСКОГО «ЛАБИРИНТЫ»

Барма Олег Анатольевич
магистр педагогических наук,
преподаватель кафедры менеджмента
социокультурной деятельности
УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»
barma_oleg@mail.ru

Переход от классической культуры к неклассической ознаменован радикальным отказом от метафизического стиля мышления, предполагающего, согласно М. А. Можейко, «фундированность мышления презумпцией универсального Логоса, пронизывающего собой универсум и задающего последнему рациональные основания и имманентную логику развития» [3, с. 459] в пользу неклассического, становление которого, как пишет А. А. Грицанов, «сопряжено с интеллектуальным допущением возможности плюрального моделирования миров и соответственно – идей онтологического плюрализма» [1, с. 478]. Как отмечают А. В. Хованская и В. Н. Кукьян, характерной особенностью неклассического стиля мышления было «понимание мира не односторонне, не только в рамках рационально-технического сознания», что, по их мнению, заключалась в умении «создавать [человеком – текст мой О.Б.] собственные символические смыслы, отличные от институционализированных» [6, с. 29], что вводит к альтернативному теоретическому описанию одной и той же реальности, по мнению В. С. Степина [5, с. 190]. Аналоги постнеклассического стиля мышления могут быть обнаружены в концептуальных построениях авторов, в том числе и представителей художественной литературы рубежа XIX-XX века. Подобную установку на восприятия культуры с точки зрения неклассического стиля мышления демонстрируют У. Фолкнер («Шум и ярость»), Ф. Кафка («Прометей»), Б. Брехт («Трехгрошовая опера») и другие.

Условный переход от одного типа культуры к другому носит формальный характер и не может быть определен в рамках соотношения с временными ориентирами. В контексте культурологии и философии принято разделять типы культуры по формально-временному содержанию, что, как отмечает М. А. Можейко, создает прецедент, когда хронологические границы творчества отдельно взятого автора могут относиться к разным типам культуры [3, с. 459–463].

В контексте определения стиля мышления конкретного автора важную роль играет ретроспективное осмысление его творчества

с точки зрения последующих культурных типов. Нельзя не согласиться с выводами М. А. Можейко, что немаловажную роль для каждого типа культуры играет «интенция ретроспективного своего укоренения в традицию посредством возведения своего начала к достаточно отдаленным от него в содержательном плане истокам» [3, с. 463]. Исходный момент локализации указанных типов культуры может быть задан посредством фиксации ранних их прецедентов. Благодаря такому явлению, в концептуальных построениях авторов классического типа культуры можно выявить процессы, характеризующие концептуальные основы неклассического этапа, в то же время неклассический этап, в свою очередь, фундирован идеями постнеклассической культуры. По мнению У. Эко: «у каждой эпохи есть свой постмодернизм» [1], характеризующий эволюцию культуры.

Подобная установка была рефлексивно зафиксирована в контексте белорусской литературы на образе авторской модели библиотеки предложенной В. У. Ластовским в повести «Лабиринты» [2].

В 1923 году в журнале «Крывіч» В.У. Ластовский публикует повесть «Лабиринты». Несмотря на хронологические рамки написания данного произведения, строго относящиеся к периоду перехода от классики к неклассике, представители философско-культурологических дисциплин относят данный текст к постнеклассике. Как пишет Л. Д. Синькова, с постмодернистской парадигмой сюжет «Лабиринтов» связывают «отдельные мотивы» [4, с. 154].

Сюжетным фундаментом повести является один из мифических случаев из жизни рассказчика: путешествие по подземной библиотеке-лабиринту под Верхним полоцким замком.

Герой В. У. Ластовского приезжает в «сівагорбы Полацак» с его секретными подземельями-лабиринтами, по приглашению председателя местного краеведческого сообщества «Археалагічная вольная контэрфратэрнія» Иваном Ивановичем. Присоединившись к встрече «любіцеляў старасвеччыны», герой вовлекается в дискуссию про духовное наследие белорусской культуры. Из уст собравшихся герой В. У. Ластовского слышит про вероисповедание, письмо, искусство белорусского народа: «і мы, на гэтай зямлі, у гэтым краю, праходзілі ўжо раз росквіт высокай самаістай культуры, якая загінула, якой астанкі, вельмі рэдкія, з'яўляюцца пакуль што для нас таёмнымі крыптанімамі... Нашыя пісанья памятнікі не на камянях высыкаліся, але на бяроставых пластках былі крэслены, якія лёгка запаляліся і гнілі» [2, с. 50], про белорусскую культуру с ее отличительными чертами от соседних культур: «сярод нашага простага народа, які паўтысячы лет ходзіць у чужым ярме, дагэтуль маюцца ўласныя назовы важнейшых нябесных знакаў. Напрыклад, гвязду Венеру дасягоння сяляне называюць Чагір. Пад найменнем Чагір фігуруе Венера ў супрасльскім календары XVIII ст., дзе аб ёй гаворыцца: «Гвезда

Чагір між усімі гвездамі 10 месц у кожным месяцы мае, а па трыкрат прыходзіць на кожнае месца кожнага месяца» [2, с. 50].

Подземный человек отмечает: «у Богіне, ёсць такжа падземныя хады, як і ў нас, пад Верхнім замкам, у сярэдзіне гары. Старая веда і старая культура не загінулі. Кажуць людзі, а хто ж ведае, ці ёсць у гэтым хоць кропля праўды, пад Верхнім замкам, за магілай невядомага валадара, ёсць склады з багаццямі вялікімі. Кажуць, у абход абшырнай грабніцы, направа, ёсць мураваны праход крокаў 60 даўжыні, і праз яго ўходзіцца ў сховы са старымі кнігамі. Часцю пісаны яны на дасочках, часцю на бяроставых пластках. Зложаны кнігі ў каваных серабром скрынях, усярэдзіне абітых скурай. З гэтай кніжні пракавечнай ёсць ход у скарбец...» [2, с. 52]. Подземный человек, который приглашает героя в путешествие по тропинкам подземного лабиринта к месту хранения библиотеки, держит сведение о входе в лабиринт в секрете: «Я даўно ўжо ведаю ход у схаваную бібліятэку, але сам не рухаў яе і нікому не паказваў, маўчаў, баючыся, каб не заграбілі ў нас і гэта наша апошняе багацце» [2, с. 53]. Что бы пройти в недра лабиринта, герой должен дать клятву, именно на этом настаивает подземный человек: «Акром мяне, з жывых ніхто не ведае аб гэтым ходзе. Ты другі будзеш ведаць аб ім і перадаці патомным. Але перш чым увайсці ў тайныя ходы, у якіх нашы празорлівыя прадзеда захавалі не толькі свае культурныя, але і вялікія матэрыяльныя багацці, ты павінен даць абяцанне, злажыць прысягу на вечную тайну» [2, с. 54].

Лабиринты – это не только физическое, но и метафизическое пространство в повести, это не просто место действия, в некотором смысле это ключ к разгадке содержания произведения, лаконическая формула, которая связывает явное и скрытое, текстуальное и внетекстуальное. Значение слова Лабиринт связывает белорусскую мифологию с мифологией стран Азии и Африки. Так, лабиринт у Египетского народа связывался со сложной, разветвленной сеткой ходов и переходов, в которых очень тяжело найти выход. В центре лабиринта спрятана тайна. Войдя в лабиринт и познав его тайны, герой может от нее погибнуть или заблудиться и навсегда остаться в его пространстве, став его частью.

Хронотоп Лабиринта увеличивается и разветвляется, обогащается реалистическими и фантастическими деталями. Объектом авторского самосознания является не только прошлое, но и будущее. Переделав архетип Лабиринта в образ идеального места для сохранения библиотеки, В. Ластовский поместил в нем не только национальные святыни, но и личностные творческие проекты, идеи.

Библиотека для В.У. Ластовского олицетворяет аксиологию культуры, книжной цивилизации: огромный, всеохватывающий и неисчерпаемый Каталог значений – яркий символ структурности культурных ценностей (индивида, группы, эпохи, культуры в целом). Библиотека – это знак культуры, символ культуротворчества,

инструмент самоорганизации культуры, олицетворения той фазы развития культуры, на которой происходит (в очередной раз) осознание и каталогизация приобретенного, инвентаризация всех ценностей. Библиотека представляется ему способом упорядочения культурных значений и смыслов, систематизации и структурирования информации, преобразования хаоса в космос. Таким образом, в образе библиотеки изначально разворачивается смысловой потенциал космогонии.

В творчестве В. У. Ластовского библиотека относится к числу концептуальных метафор, способных сконструировать наше мышление и предопределить образную картину мира. Так, по его мнению, мышление представляло мир как иерархическое организованное целое. Но целое, в которое включен и сам человек, эмпирически непознаваемо. «Достроить» мир, заполнить лакуну может библиотека, идеальная модель совершенства, заключающая в себе все противоположности.

Библиотека в интерпретации В. У. Ластовского обладает огромным творческим потенциалом, выступая знаком понятия, связывающего в единое пространство множество разноплановых областей. Библиотека – это: поэтическая метафора полноты и бесконечности мироздания; образ замкнутой и обладающей положительной кривизной Вселенной; интеллектуальное пространство и т.д.

Библиотека символизирует гармонию, полноту и упорядоченность окружающего мира. Библиотечное пространство замкнуто, но одновременно бесконечно: центр библиотеки находится везде, а окружность нигде. Как историк, специалист по материальной культуре Беларуси, В.У. Ластовский воспроизводит в повести положения о духовной целостности мира, которой обеспечена его красота. Целостность библиотеки основана на принципе подобия и универсального соответствия окружающему миру.

Внутри библиотеки Полоцкого софийского собора он возводит структурирующие ее конструкции – отделы, которые используют, чтобы продемонстрировать нам культурное наследие белорусского народа: «скіраваўся ў славянскі аддзел бібліятэкі. Багацце, якое я тут убачыў у звітках і фаліянтах, прост не паддаецца апісанню. Тут я бачыў не толькі фаліант полацкай летапісі, пісанай рукой княжны Еўфрасініі, але і летапісы шмат ранейшых перыядаў існавання нашага народа. Убачыў сабранне навукі Зямельчыца, якое складалася з чатырох кніг, разбітых кожная на семдзесят два раздзелы. На змест кнігі злажыліся: маральнае права, цывільнае і дзяржаўнае права, гісторыя народа і анталогія лепшых тагачасных літаратурных твораў. Цэлы аддзел бібліятэкі складаўся з кніг, пісаных глаголіцай, якая, як я тут пераканаўся, была шмат старэйшай бадай на добрую паўтысячу лет славянскай граматай, знакі якой развіліся з славянскіх герографіаў», «У аддзеле архітэктурны бачыў я дзіўнай прыгожасці стылёвыя будоўлі так званага гецакага стылю. У аддзеле пісьменнасці хрысціянскіх часоў з асаблівай пашанай перахоўваліся тут рукапісы першых хрысціянскіх апосталаў Кірылы і Мяфодзія, аб якіх трэба, аднак, на аснове пачэрпнутых мною

ў бібліятэцы даных сказаць, што хоць яны сапраўды пераклалі Святое пісьмо на славянскую мову, але ў пісьменнасці славянскай, так званымі кірылаўскімі літарамі, на добрага чатыры сталецці іх папярэдзілі розныя хрысціянскія сектанты, а перадусім маніхейцы, паўлікіянцы і мэ-сальянцы», «...выйшаў у другую салю, а з другой у трэцюю і гэтак далей. Прайшоўшы дзсяткі два саль, напоўненых кнігамі» [2, с. 71-72].

Пределом парадоксальности путешествия по библиотеке становится эффект рекурсии – включения в систему копии самой копии. Герой В.У. Ластовского пленник библиотеки; библиотека находится в полном распоряжении героя; библиотека не принадлежит герою; герой может ознакомиться с любым изданием, но только в пределах библиотеки; первое его посещение библиотеки было и последним.

Подводя под общий знаменатель столь широкий и неоднородный спектр представленных явлений заключенных в метафоре библиотеки как космогонии культуры в интерпретации В. У. Ластовского, можно говорить о том, что библиотека создает многомерную картину мира. Библиотека функционирует как система «свернутых» и заключенных внутри текстов, которые могут актуализироваться в процессе ее «разворачивания». Библиотека – это аксиология культуры, книжная цивилизация, духовный и материальный памятник белорусского народа.

Список использованных источников:

1. Грицанов А. А. Модернизм / А. А. Грицанов, М. А. Можейко, В. Л. Абушенко // Постмодернизм: энциклопедия / сост.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. – С. 478-479.
2. Ластоўскі В. Ю. Лабірынты / В. Ю. Ластоўскі // Выбраныя творы / Вацлаў Ластоўскі; [уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча; маст. М. Казлоў]. – Мінск: Міжнар. фонд «Бел. кнігазбор», 1997. – С. 47–74.
3. Можейко М. А. Классика-неклассика-постнеклассика / М. А. Можейко // История философии: энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2002. – С. 459-463.
4. Сінькова Л. Д. Постмадэрнісцкая інтэртэкстуальнасць і яе роля ў сучаснай міжкультурнай камунікацыі / Л. Д. Сінькова // Время, искусство, критика: сб. науч. труд. / под ред. Л. П. Саенковой. – Минск: Белорусский государственный университет, 2010. – С. 153–157.
5. Степин В. С. Исторические типы научной рациональности / В.С. Степин // Цивилизация и культура / В. С. Степин; [Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов]. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. –С. 163-207.
6. Хованская А. В. Художественная культура постмодернизма: монография / А. В. Хованская, В. Н. Кукьян; М-во сел. хоз-ва РФ, Федер. гос. бюджет. образов. учреждение высш. проф. образования «Перм. гос. с.-х. акад. им. Д. Н. Прянишникова». – Пермь: ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА, 2012. – 211 с.